

РАЗДЕЛ I. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТВОРЧЕСТВА И. С. ТУРГЕНЕВА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

УДК 821.161.1"18"

А. Л. Фокеев

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского
fokal56@rambler.ru

СТИХИЯ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА («ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»)

В статье рассматриваются этнографические элементы в «Записках охотника» И. С. Тургенева, трансформирующиеся в сюжетно-образной системе рассказов в соотношении с различными фольклорными жанрами, что воссоздает в целом стихию народной жизни; обращается внимание на специфику этнографического пейзажа, несущего нередко социально-психологическую функцию, представляющего своеобразный литературно-фольклорный синтез.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Записки охотника», фольклорно-этнографические элементы, стихия народной жизни, этнографический пейзаж, литературно-фольклорный синтез.

A. L. Fokeev

Chernyshevsky Saratov National Research University
fokal56@rambler.ru

FOLKLIFE IN ITS ELEMENT IN IVAN TURGENEV'S WORKS ("A SPORTSMAN'S SKETCHES")

The article discusses the ethnographic elements in "A Sportsman's Sketches" by Ivan Turgenev, transformed into a plot-figurative system of stories in relation to various folklore genres, which portray the folklife. The special attention is drawn to the peculiarities of the ethnographic landscape, often having a socio-psychological function, and to the synthesis of literary and folk.

Keywords: "A Sportsman's Sketches", folk-ethnographic elements, folklife, ethnographic landscape, synthesis of literary and folkish.

Фольклорно-этнографические тенденции явно просматриваются в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Они документальны точными указаниями на место действия: Орёл, Курск, Жиздра. Однако это не фактографический очерковый документализм с ярко выраженным описательным характером увиденного автором, с указанием последовательно географических мест, как в литературе путешествий. Вместе с тем образ конкретизирован в пределах Тульской и Орловской губерний с их социально-экономической обусловленностью, особенностями местности, природы, своеобразием быта и типов крестьян как носителей народной национальной идеи. Эти особенности широкого движения жизни, художественного пространства заметил ещё И. А. Гончаров «...как заходили передо мной эти русские люди, запестрели берёзовые рощи, нивы, поля... Орёл, Курск, Жиздра, Бежин луг – так и ходят около» (1, 262).

Фольклор трансформируется в сюжетно-образной системе произведения, соотносится с фольклорными жанрами (сказаниями, народной песней), их художественной образностью, поэтикой, сюжетом («Певцы», «Ермолай и мельничиха», «Свидание», «Живые мощи»). Однако все перечисленные элементы довольно специфичны у Тургенева, поскольку в его творчестве этнографического очерка как такового нет, писатель отходит от очерка к рассказу, и всё-таки этнографические элементы в них могут быть обнаружены.

Уже в первом рассказе «Хорь и Калиныч» в развивающийся сюжет писатель включает конкретные этнографические элементы, хотя и не ставит своей задачей изложение точного

документального материала. Этнографический рисунок дан Тургеневым в начале рассказа. Писатель замечает резкую разницу между «породой» людей: «Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живёт в деревянных осиновых избёнках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дёгтем и по праздникам ходит в сапогах». Тургенев даёт и место описание деревень: «Орловская деревня... обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага... Изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тёсом...» (3, 9).

В духе этнографической литературы приводит Тургенев описание крестьянской избы зажиточного Хоря и избышки Калиныча. «Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу перед тяжёлым образом в серебряном окладе теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт». «Калиныч отворил нам избышку, увешанную пучками сухих душистых трав, уложил нас на свежем сене» (3, 10).

В рассказе «Певцы», повествующем о «русской, правдивой, горячей» душе крестьянина-отходника Яшки-Турка, которая звучала и дышала в нём «и так и хватала за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 189), при помощи песни раскрывается национальный характер героя. Писатель воплощает концепцию погружения в народную стихию, делая героя своеобразным её носителем. В то же время в рассказе, далёком, казалось бы, от этнографических описаний, их можно всё-таки заметить. Например, в описании деревни Колотовки и Прытynного кабачка: «Небольшое сельцо Колотовка лежит на стыке голого холма, сверху донизу рассечённого страшным оврагом, который, зияя, как бездна, вьётся, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуше реки... разделяет обе стороны бедной деревушки» (3, 178).

Исследователи считают это описание пейзажем, но если идти от первоначального значения слова (от французского – *paus*), то пейзаж – это не только природа, но и страна, и местность. В данном случае, на наш взгляд, это элемент местной этнографии, возможно его определить и как этнографический пейзаж. Вместе с тем у Тургенева он несёт социально-психологическую функцию: усиливает впечатление безысходности крестьянской жизни.

Погружение в народную стихию Тургенева заметно и в рассказе «Бежин луг». В нём можно наблюдать приметы народного быта, выраженные в какой-то мере в этнографическом описании деревенского пастбища – выезда крестьянских мальчиков в ночное. Здесь же воспроизводятся черты мифологического сознания крестьянских детей, их представления, источником которых являются услышанные ими народные легенды и предания, просто страшные рассказы, бытующие в крестьянской среде. Речь крестьянских мальчиков, их рассказы носят элементы фольклорной прозы, народно-художественного словесного творчества. В ней может быть отмечена народная фразеология, элементы сказа.

Так, в рассказе Кости о Гавриле, слободском плотнике, наблюдаются сказовые элементы и проявляется специфика народной речи. «Уж он ходил, ходил, братцы мои, – нет! не может найти дороги. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, – присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он опять глядит; а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт...» (3, 82). Рассказы мальчиков о русалках, домовых, леших, утопленниках, поверья о Тришке вслед за авторским повествованием входят в структуру художественного текста, создавая стилистику «текста в тексте», то есть своеобразный литературно-фольклорный синтез.

О воздействии фольклора на творческое сознание Тургенева, прежде всего народных песен и легенд, свидетельствуют и такие рассказы, как «Малиновая вода», «Льгов», «Бурмистр», «Мой сосед Радиллов», «Лебедадь», «Контора», «Смерть».

Пейзаж писателя также соотнесён с фольклором. Отдельные пейзажные зарисовки в художественном сознании Тургенева соотносятся с образами народной поэзии, с местами действия былинных богатырей, с элементами исторических и географических реалий.

К народной стихии в рассказах Тургенева относится и «фольклорность» речи персонажей и авторской речи, почерпнутая из устного народного творчества и представленная в соответствии с народной эстетикой.

Таким образом, «Запискам охотника» Тургенева оказывается близка художественная концепция погружения в стихию народной жизни, восходящая, на наш взгляд, к этнографической школе В. И. Даля, а также способы и методы её воплощения в художественном творчестве: включение фольклорных жанров в контекст произведения, привлечение их как источников сюжета, как материала для характеристики быта и мировоззрения крестьянского героя, опора на национальную стихию языка, использование народного склада крестьянской речи, крестьянских монологов, сказовой манеры изложения, детальных описаний мест, жилищ, одежды, а также интерес писателя к крестьянскому типу, манере описывать этот тип.

Тургенев, усвоив творческий опыт Даля, в своём индивидуальном художественном своеобразии расширил и углубил эстетические возможности реализма, выходя, по утверждению Ю. В. Лебедева, за пределы «частной» индивидуальности к общим национальным «силам и стихиям» жизни» (2, 10).

Литература

1. Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1955. Т. 8.
2. Лебедев Ю. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева. М., 1977.
3. Тургенев И. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1961.